УДК 930.26 (092)
DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-135-146

О НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Э.Р. РЫГДЫЛОНА – ПЕРВОГО БУРЯТСКОГО УЧЕНОГО АРХЕОЛОГА
(К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© Н.В. Именохоев

Статья основана на сохранившихся документах семейного архива и посвящена жизни и деятельности Э.Р. Рыгдылона, ученого с трагической судьбой, внесшего значительный вклад в развитие археологической науки Сибири в советский период.

Ключевые слова: археология, востоковедение, репрессии, хунну, монголы, монгольские письмена, тюркские руны, китайские надписи, древнебурятские погребения.
Формат цитирования: Именохоев Н.В. О научных исследованиях Э.Р. Рыгдылона – первого бурятского ученого археолога *(к 110-летию со дня рождения)* // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4. С. 135–146. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-135-146

ABOUT SCIENTIFIC RESEARCH OF E.R. RYGDYLON – FIRST BURYAT SCIENTIST-ARCHAEOLOGIST
(THE 110-th ANNIVERSARY)

© N.V. Imenokhoev

The article is based on preserved documents of the family archive and devoted to the life and activity of E.R. Rygdylon, the scientist with a tragic fate, who had made a significant contribution to the development of archaeological science in Siberia during the Soviet period.

Keywords: archaeology, orientalism, repressions, Xiongnu, Mongols, Mongolian writing, Turkic runes, Chinese inscriptions, Old Buryat burials
Citation format: Imenokhoev N.V. About scientific research of E.R. Rygdylon – first Buryat scientist-archaeologist *(the 110-th anniversary)*. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 4. Pp. 135–146. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-135-146

10-го ноября текущего 2016 года исполнится 110 лет со дня рождения Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона, первого ученого-археолога из бурят.

В истории развития и становления Бурятской советской исторической науки имя Э.Р. Рыгдылона занимает особое место, несмотря на то, что вся его научная и педагогическая деятельность прошла вне Республики, его интересы как историка-востоковеда (монголоведа и тюрколога), археолога были направлены, прежде всего, в сторону исследования вопросов так или иначе связанных с историческим прошлым народов Сибири и Центральной Азии. Широкая эрудиция позволяла ему заниматься расшифровками древнетюркских рун, переводами древнемонгольских рукописей и китайских надписей на археологических находках. В поле зрения Эрдэмто Ринчиновича, как археолога, находилась вся история, начиная от «седой» древности – палеолита, до собственно бурятских погребений XVII–XIX вв.

Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон родился в д. Шила Бадинского булука Хоринского аймака Верхнеудинского уезда Забайкальской области (впоследствии Бадино-Кусотский сомон Хилокского района Восточно-Сибирской области, ныне Хилокский

район Читинской области) в семье крестьянина-скотовода Ринчино Рыгдыла Ринчиновича.

По архивным данным – справке, выданной 28 августа 1926 года Хилоко-Бурятским районным сельским советом рабочих, крестьянских, казачьих красных депутатов, Ринчинов Рыгдыл имел 12 голов крупного рогатого скота, 2-х лошадей, 10 десятин сенокоса, платил госналог 23 рубля 68 копеек и относился к середнякам (Архив Рыгдылона Э.Р. Фонды музея им М. Хангалова). Рыгдыл Ринчинович получил двухгодичное образование в начальной школе-гимназии и после революции преподавал в школе 1-й ступени (начальной). Матери Эрдэмто Ринчинович лишился в раннем детстве и воспитывался бабушкой. Старший брат Эрхито, согласно бурятским традициям того времени, обучался в дацанской школе, был хувраком. С детских лет Эрдэмто Ринчинович был привлечен к выполнению работ по домашнему хозяйству и лишь в 14-летнем возрасте начал учиться. После двухлетней учебы в школе хувраков при дацане он продолжает обучение в школе 1-й ступени (начальной), а затем его, как способного ученика, направляют в Агинскую школу-семилетку.

В 1926 году комсомолец Рыгдылон принят Агинской районной организацией кандидатом в члены ВКП(б) и направлен для продолжения образования в педагогический техникум в г. Верхнеудинск (ныне г. Улан-Удэ). После окончания годичного испытательного срока он становится действительным членом ВКП(б), ведет большую агитационно-пропагандистскую работу, возглавляет кружки политического самообразования, принимает участие в ликвидации неграмотности среди населения Бурят-Монгольской Республики.

Во время учебы Эрдэмто Ринчиновичу удалось ознакомиться с вывезенными из Монголии профессором Г.Ц. Цыбиковым, в то время преподавателем Бурпедтехникума, древнемонгольскими летописными сводами – «Сокровенным сказанием» (Юань-чао-ми-ши) пекинского издания 1908 года и «Алтан тобчи» Лубсан Данзана. В период летних каникул он впервые сталкивается с неизвестной ему областью научных знаний – археологией. Первое знакомство, а затем увлечение археологией произошло в период работы в Бурятии первой академической экспедиции АН СССР.

В первые годы после образования Бурят-Монгольской АССР правительством Республики был создан Ученый комитет и основано научное общество им. Доржи Банзарова, на которые были возложены задачи организации научных исследований. В 1928–1929 гг. Монгольская комиссия АН СССР по инициативе Бурят-Монгольского научного общества организовала археологическую экспедицию АН СССР под руководством одного из замечательных советских археологов Георгия Петровича Сосновского с целью обследования территории Республики.

За два полевых сезона экспедиция прошла маршрутом значительную часть приграничных южных районов республики – всю долину р. Селенги с приустьевыми участками ее крупных притоков Чикоя, Хилка и Джиды. Сотрудники экспедиции обнаружили и открыли значительное количество новых местонахождений памятников археологии. В долине р. Селенги впервые изучены плиточные могилы и определена их хронологическая принадлежность – поздний бронзовый век; исследованы памятники создателей первой кочевой империи – Хунну: погребальные комплексы в Ильмовой пади и стационарное поселение – Нижнеиволгинское городище; раскопаны захоронения периода господства в Центральной Азии средневековых тюрков и монголов. В ряде мест обнаружены и предварительно обследованы древние поселения и охотничьи стоянки эпохи неолита и ранней бронзы, в их числе Нижне-Березовское поселение в окрестностях Улан-Удэ, средневековая торговая фактория на р. Темник (Темниковское поселение).

В отрядах экспедиции в качестве практиканта работает Эрдэмто Ринчинович. На раскопках разновременных памятников постигаются таинства профессии археолога, осваивается теория и практика выявления и изучения исторических археологических

источников, методика полевых исследований, принципы систематизации и классификации источников.

Экспедиция Г.П. Сосновского стала для Рыгдылона первой серьезной археологической школой. Впоследствии Рыгдылон писал в своем полевом дневнике: «Я, после столь многих пережитых дней в тылу и на фронте с удовольствием вспоминал те дни, когда Г.П. меня возил … чтобы с меня сделать «Археолога». Вечная слава моему учителю!» (10 мая 1945 года) (Архив Рыгдылона).

После окончания педагогического техникума Эрдэмто Ринчинович работает в экспериментальной школе. В 1930 году Обком ВКП(б) Бурят-Монгольской АССР, выполняя программу формирования национальных кадров, командирует Э.Р. Рыгдылона на учебу в г. Ленинград, где он поступает на Монгольское отделение общественно-политического факультета Восточного института им Енукидзе. После окончания первого курса с июля 1931 по август 1932 года он проходит производственную учебно-языковую практику в Монгольской Народной Республике, работает в редакции газеты «Унэн», в ЦК МНРП и в Ученом комитете, где знакомится с Цебеном Жамсарано и при его содействии получает возможность ознакомиться со всеми, имеющимися в государственных архивах, хранилищах и библиотеках, ранними монгольскими историческими и фольклорными источниками (Там же). Прекрасное знание монгольского языка помогло в дальнейшем Э.Р. Рыгдылону работать над переводом «Сокровенного сказания», «Алтан тобчи», способствовало редактированию и подготовке к печати первого «Русско-монгольского словаря разговорного языка» (составитель А.В. Бурдуков) (Русско-монгольский словарь разговорного языка, 1935).

В советском консульстве в Монголии 04.08.1932 года был зарегистрирован брак: Эрдэмто Ринчинович женился на землячке, уроженке Аларского района Усть-Ордынского Бурятского округа, Нине Гармаевне Назаровой. В 1933 году у них родился сын Владимир.

Получив свидетельство об окончании Восточного института за подписью ректора Института М. Амагаева, Эрдэмто Ринчинович поступает в октябре 1934 года в аспирантуру Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК).

ГАИМК, в то время крупнейший центр исторической науки в нашей стране, жил напряженной жизнью дискуссий и горячих споров. В Академии шла борьба против субъективизма и идеализма псевдомарксистских вульгаризаторских тенденций в исторической науке, за марксистское понимание древнейшей истории человечества. В его стенах работают и учатся П.П. Ефименко, Г.П. Сосновский, М.П. Грязнов, Б.Б. Пиотровский, В.И. Равдоникас, С.И. Руденко, А.Н. Бернштам, М.М. Герасимов, А.М. Виноградова, А.Т. Кузнецова, Н.А. Мальцева, А.А. Гаврилова, Л.П. Потапов, С.В. Киселев, А.П. Окладников и многие другие выдающиеся ученые из первой когорты советских археологов.

В стенах Академии Эрдэмто Ринчинович получает историческое образование с археологическим уклоном и собирается специализироваться по древней истории монголов (Архив Рыгдылона). Утверждается тема научных исследований аспиранта Рыгдылона: «Чингисхановский период истории монголов до образования империи». В работе в полной мере должны были использоваться сделанные им переводы материалов из монгольских и китайских письменных источников, в первую очередь, «Юань-чао-ми-ши».

Ограниченность письменных источников диктовала необходимость использования археологического материала для полноты диссертационной работы. В 1935 и 1936 годах аспирант ГАИМК Э.Р. Рыгдылон участвует в археологическом обследовании правобережья р. Уды в Заиграевском (ныне Хоринском) районе Республики[1].

[1] В фондах Национального музея РБ сохранились некоторые документы по организации этой экспедиции и часть раскопанных материалов – коллекция «Ацагат», которая датируется от поздней бронзы до этнографической современности (шаманский комплекс).

Проводит первые самостоятельные изыскания и раскопки в урочищах Заха-Хундэй, Мосэ-Дархи, Хара-Ацагат и других местах, применяя самые совершенные, наиболее точные и эффективные методы раскопок для того времени, позволяющие с наибольшей полнотой реконструировать обстановку того исторического периода, к которому относился исследуемый археологический памятник. В районе с. Ацагат проводит исследования погребальных памятников эпохи бронзы. Раскопки десяти громадных по размерам плиточных могил (в одной зафиксировано парное захоронение) не дали интересного материала, все они были ограблены. Лишь в одной из них по счастливой случайности были обнаружены клык кабана с просверленными крестообразно отверстиями, бронзовый нож с прямой утолщенной спинкой без рукояти, пастовые бусины и фрагменты неорнаментированной керамики (Там же). И все же первые самостоятельные полевые исследования для Э.Р. Рыгдылона были удачными: им зафиксирована большая сеть еще действующих оросительных каналов, которую по устным преданиям местное население относило к монгольскому времени; впервые были открыты захоронения собственно бурят XVII–XVIII вв., причем зафиксировано три ритуала: сочетание погребальных обрядов трупосожжения и трупоположения под естественными скальными карнизами в нишах или небольших пещерах, гротах и в четырехугольных камерах, сооруженных с использованием одной естественной стенки – вертикальной скалы, и грунтовые погребения. В скальных погребениях, в большинстве случаев ограбленных, были найдены обгорелые остатки седел с высокими и низкими луками, монгольского типа боевые луки и колчаны, ромбовидного сечения костяные и широколопастные металлические наконечники стрел, стремена, железные ножи, обрывки шелковой ткани китайского производства, металлические пуговицы сферической формы, бронзовые и железные поясные пряжки, седельные оковки разной формы с серебряной чеканной орнаментикой и т. д. Зафиксированы останки человеческих костяков, часть из них обугливших.

Другой тип бурятских погребений отличался неглубокими грунтовыми ямами с плоскими надмогильными сооружениями из небольших плит, выложенных в форме прямоугольника, ориентированного длинной осью с ЮВ на СЗ. Могильная яма сверху по горизонту почвы перекрыта плоскими каменными плитами. (Среди части бурят Иркутской области до сего времени существует ритуал сооружения внутримогильных конструкций в виде перекрытия гроба толстыми плахами). Погребенный положен на спину с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентирован головой на СЗ. По диагонали ямы от левой ноги к правому плечу сверху клали большой монгольского типа лук, в ногах кожаный колчан со стрелами, там же кожаный налучник. Под голову подкладывали седло с широкими, низкими луками в полном снаряжении, с металлическими стременами. Обязательным элементом погребального инвентаря являлась курительная трубка (ганза) из цветного металла китайского производства и полный табака кисет из шелковой ткани (Сергеев, 1935). Найденные Рыгдылоном в захоронениях фрагменты керамических сосудов меняют наше представление о погребальном ритуале, в частности, и религиозно-мифологических представлениях бурят, в целом.

В эти же годы он продолжает исследования стоянки эпохи неолита и ранней бронзы, расположенной в устье р. Нижняя Березовка, на правобережье р. Селенги, и предпринимает поиск новых археологических памятников центральных районов Бурятии, где открывает местонахождения петроглифов и скальных погребений XVII–XVIII вв. (Рыгдылон, 1950).

Два самостоятельно проведенных полевых сезона увеличивают опыт полевой археологической работы на разновремен-

[1] The collections of the National Museum of the Republic of Buryatia keeps some documents on the organization of the expedition, and of the excavated materials – collection “Atsagat”, which dates from the late Bronze Age to the ethnographic present (shamanic complex).

ных памятниках, вселяют надежду на будущее.

Во второй половине 30-х годов репрессии в стране, начавшиеся в 20-е годы, достигают апогея. Аресты охватили все академические учреждения Ленинграда. В 1937 году арестованы: М. Амагаев, Б. Барадин, Э. Батухан, Ц. Жамцарано и многие другие востоковеды из бурятской диаспоры Ленинграда. (Репрессированные востоковеды, 1990). В июле этого же года в Улан-Удэ арестован старший брат Рыгдылона – Эрхито.

10 ноября 1936 года сдана в набор в издательстве ОГИЗ и опубликована рукопись А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов»…тиражом в 3250 экз., посвященная историческим событиям, происходившим в Восточной Сибири в XVII–XVIII вв.

Эта «работа является опытом монографического исследования основных фактов освободительной борьбы ангарских бурят-монголов против царизма в XVII–XVIII вв., рассматриваемая в связи с историей завоевания Бурятии и развитием общественного строя западных бурят» (Окладников, 1937). Исследование, состоящее из двух частей, первая из которых – «Восстания ангарских бурят» – содержит реальную картину колонизации Сибири. Вторая часть посвящена анализу социально-экономических отношений у западных бурят и на основе нового археологического и этнографического материала подробно рассматриваются сложные проблемы этногенеза и древней истории бурят и эвенков.

Несмотря на то, что все научные публикации и другие виды печатной продукции в стране подвергались цензуре, в январе – марте 1937 г. рукопись рассмотрена, одобрена и подписана к печати[2]. Однако в монографии после публикации была усмотрена крамола – в тексте книги упоминались имена бурятских ученых, ставших к этому времени «врагами народа», и это стало основным поводом клеветнического доноса.

В апреле 1938 года Эрдэмто Ринчинович, ответственный редактор этой монографии, арестован и исключен из партии[3]. В этот период он, уже закончив аспирантуру, работал с января 1938 года в ГАИМКе научно-техническим работником, готовился к защите диссертации. После длительного следствия ему предъявлено стандартное для бурятской интеллигенции того времени обвинение в том, что он «является участником бурятской националистической шпионско-повстанческой организации, по заданию которой проводил контрреволюционную повстанческую шпионскую работу в пользу Японии. Проводил вербовку новых участников в контрреволюционную националистическую организацию. Передавал японской разведке секретные материалы по воинским частям. Подготовлял осуществление диверсионных актов на военное время» (Там же).

[2] В отзыве Э.Р. Рыгдылона от 21 июля 1937 года говорится, что «в работе… не совсем удачные формулировки и ссылки, которые по техническим причинам издательства не были искорены» (Архив Рыгдылона). Монография впоследствии приобрела статус «ограниченного распространения» маркировалась штампом «На дом не выдается. Выдается с особого разрешения» и фактически на долгие годы стала недоступной для читателя.

The withdrawal of E.R. Rygdylon of July, 21, 1937 states that “publication contains... the not entirely successful formulations and links that for technical reasons were not deleted” (Archive of Rygdylon). Monograph subsequently acquired the status of 'limited distribution' and marked by stamp “At home is not issued. Provided with a special permit” and in fact for many years was not available to the readers.

[3] Несмотря на неоднократные попытки в период пребывания на фронте, излечении в госпитале и в послевоенные годы Э.Р. Рыгдылон не был восстановлен в партийных рядах и лишь 11 августа 1959 года, через два года после его смерти, решением Бюро Ленинградского обкома КПСС отменено решение партколлегии при Уполномоченном КПК по Ленинградской области от 9 апреля 1938 года об исключении Рыгдылона Э.Р. из членов ВКП(б).

Despite repeated attempts during the stay at the front, treatment in the hospital and in the postwar years, E.R. Rygdylon has not been reinstated in the party ranks, and only on August, 11, 1959, two years after his death, the decision of the Bureau of the Leningrad Regional Party Committee reversed the decision of party collegium at the Commissioner of CPC in Leningrad region on April, 9, 1938 to exclude Rygdylon E.R. from the membership of the CPSU (b).

Особым Совещанием при НКВД СССР от 11 декабря 1939 г. Э.Р. Рыгдылон был приговорен по ст. 58-6, 58-9, 58-11 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 3 года (минимальный срок заключения) и отправлен на Северный Урал в г. Соликамск Пермской области. В мае 1941 года Эрдэмто Ринчинович освобожден с ограниченными правами и вынужден жить вначале в Ленинградской области, а затем с июля 1941 года в д. Селенгуши Пестреченского района Татарской АССР, где работал в колхозе «Трудовик» садоводом (Там же).

С декабря 1941 года Эрдэмто Ринчинович участвует в боях по защите нашей Родины. Дважды ранен – легкое ранение в левую ногу, а в боях под Ржевом – тяжелое осколочное ранение в грудную клетку. По второму ранению, после излечения в госпитале № 4038, комиссован из рядов Красной Армии.

В октябре 1944 года распоряжением Наркомпроса Э.Р. Рыгдылон направлен в Красноярск, в педагогический институт для подготовки новых учительских кадров, где читает курс лекций по Новой истории стран Востока, археологии и музееведению.

В 1945–49 гг. Рыгдылон работает в составе археологической экспедиции Красноярского педагогического института и Минусинского краеведческого музея по среднему течению Енисея и его притокам с целью выявления неизвестных науке памятников. В результате этой работы им было открыто 29 новых археологических памятников. Стоянки периода камня были впервые зарегистрированы не только на Среднем Енисее, но и по основным его притокам – Тубе, Ое и Абакану. Большая часть открытых стоянок относилась к переходному периоду от палеолита к неолиту. Самые древние находки отнесены к концу палеолита, а отдельные предметы, найденные там же, к неолитической культуре (Рыгдылон,1953).

31 мая 1946 г. на Ученом Совете Института Востоковедения АН СССР под председательством академика В.В. Струве Э.Р. Рыгдылон защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Монгольские национальные источники по истории монголов конца XII века». В работе, за которую ему присвоена степень кандидата филологических наук, рассматривались все известные редакции монгольского «Сокровенного сказания», исторической хроники второй половины XII века. Руководителем диссертанта являлся академик С.А. Козин.

С 1949 по 1954 годы Эрдэмто Ринчинович не имеет постоянного места работы, несмотря на то, что ему разрешено проживание в Ленинграде.

С 1954 года Э.Р. Рыгдылон работает в Иркутском университете. В эти годы им написан ряд статей, предприняты несколько экспедиций в различные районы области.

В 1955 году Рыгдылон пишет статью, посвященную карасукским памятникам. Следы карасукцев были отмечены случайными находками, собранными Г.П. Сосновским, И.Т. Савенковым, И.А. Лопатиным. В 1943 году в окрестностях Красноярска было найдено погребение с уникальными по разнообразию вещами. Автор подробно описывает 11 предметов: бронзовые кельт, коленчатый нож, длинное шило с навершием в виде головки животного со стилизованными рогами, ушами и другие. Открытие это интересно тем, что был обнаружен локальный вариант карасукской культуры. Новый материал дал возможность проследить своеобразие карасукской культуры далеко за пределами их основного территориального распространения и сделать вывод об обитании группы людей в районе Красноярска – Канска. «Это, – пишет автор, – могло быть одно из карасукских племен, культура которого была сходна с типичной культурой карасукских племен Минусинской котловины, но имела местные отличительные черты» (Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках…, 1955).

В этом же году Рыгдылон участвует в экспедиции с целью изучения говоров бурят Иркутской области. Им установлено наличие двух групп говоров, которые были названы «жакающими» и «якающими». «Жакающие» – коренное население Аларского, Нукутского, частично, Осинского районов. «Якающие» – коренное население

Осинского, Боханского, Эхирит-Булагатского, Качугского. К первым относятся хоринско-агинские, ко вторым – ольхоно-баргузинские буряты. Рассматривая обе группы бурят через историческую призму, Рыгдылон предполагает, что «жакающие» – те группы племен, которые переселились в места современного жительства в пределах последних 300 лет. «Якающие» – более древнее население. Это подтверждается и устными народными преданиями о переселениях среди «жакающих». В среде другой группы таких преданий нет, зато их предания связаны с бассейном рек Ангары, Лены, с Байкалом, вообще с Прибайкальем. Автор делает вывод о том, что река Ангара была в прошлом неким рубежом между двумя группами бурят: «жакающая» – левобережная, в основном выходцы из Монголии, представляют западную ветвь монголов, правобережные «якающие» – бывшие тюркоязычные племена, принявшие впоследствии монгольский язык (Рыгдылон. О некоторых особенностях говоров бурят…, 1957).

В ходе археологических исследований на территории Иркутской области им обнаружены десятки поселений с оборонительными валами средневекового периода, неолитические стоянки около озера Алят (Рыгдылон. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа…, 1955; Рыгдылон, Хороших. Археологические находки у озера Алят…, 1959). Э.Р. Рыгдылоном «..в районе рек Унги и Ангары выявлены следы старинных бурятских могил, захоронения которых связаны были с настоящими каменными «ящиками» типа плиточных могил, т. е. могил из поставленных на ребро плит» (Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР, 1976).

В числе научных интересов Э.Р. Рыгдылона работы по расшифровкам древнетюрских рун, монгольских и китайских надписей из Прибайкалья, Тувы, бассейна Енисея и Минусинского края[4]. В этих

Э.Р. Рыгдылон
E.R. Rygdylon

работах рассматриваются те немногочисленные образцы сохранившихся надписей на скалах, монетах, пряслицах – предметах хранящихся в музеях, обнаруженных в результате работ экспедиций Сосновского, Окладникова, Евтюховой, Левашовой, Шилова или открытых автором. Расшифровкам древнетюркских рун посвящен ряд статей, опубликованных в центральных академических изданиях (Рыгдылон. Новые руничесские надписи Минусинского края, 1951; Рыгдылон. Монгольские надписи на Енисее, 1951; Рыгдылон. К древнетюркским рунам Прибайкалья, 1953; Рыгдылон. О знаках на плитах с руническими надписями, 1954; Рыгдылон. Подкуническая руническая надпись, 1956). Там же опубликова-

[4] Во время обучения в институте и аспирантуре Эрдэмто Ринчинович самостоятельно изучает китайский, английский, французский, занимается тюркским, совершенствует монгольский, старомонгольский, русский языки. В отчете за 1 квартал 1938 года он пишет: «занимаюсь французским 4 часа в шестидневку» (Архив. Фонды музея им М. Хангалова).
During the studying at the institute as a student and postgraduate student Erdemto Rinchinovich is independently studying Chinese, English, French, as well as the Turkic, Mongolian, Old Mongolian, and Russian. In the report for the 1st quarter of 1938, he writes: “I spend 4 hours per six days for studying the French” (Archive. Funds of the museum named after M. Khangalov).

ны работы по прочтению монгольских надписей.

В 1951 и 1957 гг. написаны две статьи, посвященные расшифровкам китайских надписей на археологических предметах, найденных на Енисее и Селенге (Рыгдылон. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея, 1951; Рыгдылон. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Селенги, 1957).

Енисейская коллекция состояла из сельскохозяйственных орудий и зеркал. Большая часть иероглифов на предметах определена Э.Р. Рыгдылоном категорией «фирменных» знаков мастеров-литейщиков или государственных литейных мастерских. Бронзовые сошники и чугунные плужные отвалы датируются 23 годом правления Хубилая. Довольно большая коллекция бронзовых зеркал делится им на несколько типов по своим сопутствующим, расположенным на тыльной стороне, надписям: религиозно-гадательные, свадебно-юбилейные, подарочные, бытовые и т. д. Иероглифы носят краткое изречение – благопожелание или чисто деловые надписи-штампы государственных учреждений. «По смыслу благопожелания можно предположить, что зеркала из тех видов зеркал, которые дарили в Китае молодой семье (в составе свадебных подарков), а также преподносились высоковозрастным старцам в день их юбилея и служили в семье амулетами». Молодой семье, например, дарили зеркала с надписями: «долгая жизнь, богатство и знатность», «семье постоянно знатность и богатство», по случаю рождения ребенка или ради рождения сына – «стократ очищенное плавкою превосходное металлическое зеркало, чтобы вырастить сына на долгие годы, который был бы богат знанием и здоров телом».

Найденные зеркала, датируемые широким диапазоном времени от IV до XII века н. э., бронзовые сошники и чугунные плужные отвалы свидетельствуют, как подчеркивает автор, о наличии ранних культурно-экономических взаимоотношений народов Сибири и земледельческого Китая.

Селенгинская коллекция предметов с китайскими надписями состоит из найденных в 1893 году близ с. Харауз двух серебряных слитков, серебряной пластины из раскопок Г.П. Сосновского в Ильмовой пади и найденного в 1927 году в непосредственной близости от Нижнеиволгинского гуннского городища бронзового четырехугольного навершия с изображением трех босоногих человеческих фигур[5]. Все три предмета «свидетельствуют о наличии ранних культурно-экономических взаимоотношений двух великих соседей» (Рыгдылон. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Селенги, 1957).

Находка навершия, где «на фигурах изображены широкие халаты и накидки типа одеяния буддийских монахов, а на головах шишковидные украшения – символ знатности и величия… вокруг фигур… ломанные линии, изображающие языки пламени...» и главное – надпись, расшифрованная автором: «Во втором году правления Тай-пин-цзинь, т. е. 441 году 10 дня 3 луны Син-сы Чао-тун почтительно изготовил три фигуры ми-лэ наверху для Императорского его величества, мастер буддийский монах и ... Покойные родители, здравствующие муж и жена…все живое, буддийские монахи и все близкие и родственники вместе делят эту милость» позволили усомниться Э.Р. Рыгдылону в правильности хронологического определения существования Нижне-Иволгинского хуннского городища первыми веками нашей эры[6] (Там же).

[5] По мнению Т. Масумото, навершие – статуэтка была изготовлена на территории империи Северная Вэй и в период господства Жужаньского государства попала в Забайкалье с буддийскими миссионерами (Тэцу Масумото, 2011).
According to T. Masumoto, head–statuette was made in the territory of the Northern Wei empire, and during the rule of the state Zhuzhan' hit the Trans-Baikal region with Buddhist missionaries (Tetsu Masumoto 2011).

[6] После частичного исследования поселения в 1928–1929, 1948–1949 гг. было определено, что городище возникло в связи с проникновением хуннских племен и имело первоначально преимущественно военное значение, а в дальнейшем своем развитии стало обычным поселением с многочисленными хозяйственными постройками, значительным количеством населения, с весьма развитым хозяйством, которое включало земледелие, скотоводство, рыболовство и различные ремесла.

Научное значение, как пишет автор, состоит в том, что указана дата изготовления предмета – 441 год н. э., поэтому поселение хунну, получившее в народе название «китайское место», не «является самым северным пунктом распространения гуннских памятников в Забайкалье, тем более оно не является «форпостом гунном при их продвижении на север» в связи с «деятельностью Модэ» (II век до н. э.) «Окружающие памятник так называемые «Китайские гряды» и «китайские канавы – следы ирригационных сооружений, неоднократно возобновляемых местными жителями бурятами и русскими, являются следами оседло-земледельческой культуры Китая, а не гуннских кочевников...» (Там же).

Этот прогноз Э.Р. Рыгдылона, можно объяснить тем, что он оперировал сравнительно немногочисленными материалами с городища – результатом начального этапа раскопок на хуннском городище и находкой более позднего времени, случайно найденной вблизи поселения. Возможно, и чрезмерной идеализацией культуры древнего Китая и его влияния на соседние народы. Сейчас, когда значительная часть городища исследована, можно с большей долей уверенности сказать, что археологический материал подтверждает отнесение городища к хуннам и не отрицает наличие торговых связей и с более удаленными территориями, чем Китай. Стеклянные бусы с инкрустацией, раковины каури, бирюзовые подвески выявляют переднеазиатские и среднеазиатские связи хунну. Нельзя не учесть и приток вещей, добытых во время военных набегов на южных соседей, а влияние на развитие земледелия объясняется не только наличием среди населения значительного количества китайских военнопленных, но и экономической необходимостью (Гохман, 1960).

Эрдэмто Ринчинович написал более 30 статей на самые различные темы, ряд его работ остался неопубликованным, в том числе и рекомендованная к публикации диссертационная работа.

Значительная часть научных исследований Эрдэмто Ринчиновича еще не получила должной оценки. Многие стороны творчества чрезвычайно талантливого человека остаются неизвестными, в частности, его литературная деятельность. Его стихи, опубликованные в различных изданиях, стали библиографической редкостью и недоступны массовому читателю.

Эрдэмто Ринчинович скончался от продолжительной болезни в апреле 1957 года в Иркутске.

13 апреля 1959 года дело Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона рассмотрено и согласно постановлению от 11 декабря 1939 года прекращено специальным решением от 18 апреля 1959 года за № 266н Военного трибунала Ленинградского военного округа за отсутствием состава преступления (Архив Рыгдылона).

Статья поступила 02.11.2016 г.
Article was received in November, 02, 2016

[6]After partial study of the settlement in 1928-1929, 1948-1949 it was determined that the settlement originated in connection with the penetration of Xiongnu tribes and it had initially mostly the military significance, and in further its development it has become a regular settlement with numerous outbuildings, a significant number of the population, with a highly developed economy, which included agriculture, animal husbandry, fishing and various crafts.

Библиографический список

Архив Рыгдылона Э.Р. Фонды музея им. М. Хангалова.

Гохман И.И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Труды БКНИИ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1960, Вып. 3. С. 166–173.

Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. 299 с.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII – XVIII вв.) Л., 1937. 425 с.

Репрессированные востоковеды // Народы Азии и Африки (история, экономика, культура). М.: Наука, 1990. № 4. С. 111–125; № 5. С. 96–106.

Русско-монгольский словарь разговорного языка / А.В. Бурдуков – составитель, Э.Р. Рыгдылон – отв. ред., Н.Н. Поппе – предисловие и грамм. очерк. Л. : Изд-во ЛВИ, 1935.

Рыгдылон Э.Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // Советская археология. 1955. № XXII. С. 177–189.

Рыгдылон Э.Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 129–134.

Рыгдылон Э.Р. К древнетюркским рунам Прибайкалья // Эпиграфика Востока. 1953. Вып. 8. С. 86–90.

Рыгдылон Э.Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея // Эпиграфика Востока. 1951. Вып. 5. С. 113–120.

Рыгдылон Э.Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Селенги // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Улан-Удэ, 1957. Т. 23.

Рыгдылон Э.Р. Монгольские надписи на Енисее // Эпиграфика Востока. 1951. Вып. 4. С. 94–101.

Рыгдылон Э.Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке // СА. 1950. Вып. 12. С. 287–288.

Рыгдылон Э.Р. Новые рунические надписи Минусинского края // Эпиграфика Востока, 1951. Вып. 4. С. 87–93.

Рыгдылон Э.Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне среднего Енисея // МИА. 1953. № 39: Палеолит и неолит СССР. С. 276–285.

Рыгдылон Э.Р. О знаках на плитах с руническими надписями // Эпиграфика Востока. 1954. Вып. 9. С. 65–72.

Рыгдылон Э.Р. О некоторых особенностях говоров бурят Иркутской области. (По материалам экспедиции 1955 г.) // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Улан-Удэ, 1957. С. 184–197.

Рыгдылон Э.Р. Подкуническая руническая надпись // Эпиграфика Востока. 1956. Вып. 11. С. 59–62.

Рыгдылон Э.Р., Хороших П.П. Археологические находки у озера Алят (Иркутская область) // Советская археология. 1959. № 3. С. 209–212.

Сергеев Г.П. Хоринская экспедиция 1935 года. Археологический фонд Музея истории Бурятии – НВФ 2969/3.

Тэцу Масумото. Бронзовая статуэтка Будды из Иволги и ее значение в истории Забайкалья в V–VI вв. н. э. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 355–363.

References

Arkhiv Rygdylona E.R. Fondy muzeya im. M. Khangalova [Funds of the Museum named for M. Khangalov].

Burdukov A.V., Rygdylon E.R. *Russko-mongol'skii slovar' razgovornogo yazyka* [Russian-Mongolian Dictionary of the speaking language]. Leningrad, LVI Publ., 1935. (In Russian)

Gokhman I.I. *Antropologicheskaya kharakteristika cherepov iz Ivolginskogo gorodishcha* [Anthropologic characteristics of sculls from the Ivolginsky settlement]. *Trudy BKNII SO AN SSSR* [Works of BSRIC SB AS USSR]. Ulan-Ude, 1960. Issue 3. Pp. 166–173. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Arkheologicheskie issledovaniya v Buryat-Mongol'skoi ASSR* [Archaeological studies in the Buryat-Mongolian ASSR]. *Istoriya i kul'tura Buryatii* [History and culture of the Buryatia]. Ulan-Ude, 1976. 299 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII – XVIII vv.)* [Sketches from history of the Western Buryat-Mongols (XVII–XVIII AC]. Leningrad, 1937. 425 p. (In Russian)

Repressirovannye vostokovedy [Repressed orientalists]. *Narody Azii i Afriki (istoriya, ekonomika, kul'tura)* [Peoples of Asia and Africa (history, economy, culture)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. No. 4. Pp. 111–125; No. 5. Pp. 96–106. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Gorodishcha Ust'-Ordynskogo Buryat-Mongol'skogo natsional'nogo okruga Irkutskoi oblasti* [Settlements of the Ust'-Ordynsky Buryat-Mongolian na-

tional okrug of Irkutskaya Oblast']. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1955. No. XXII. Pp. 177–189. (In Russian)

Rygdylon E.R. *K drevnetyurkskim runam Pribaikal'ya* [To the Ancient Turcic runes of Cisbaikalia]. *Epigrafika Vostoka* [Orient Epigraphic]. 1953. Issue 8. Pp. 86–90. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Kitaiskie znaki i nadpisi na arkheologicheskikh predmetakh s Eniseya* [China's characters and writings on the archaeological staffs from the River Yenisei]. *Epigrafika Vostoka* [Orient Epigraphic]. 1951. Issue 5. Pp. 113–120. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Kitaiskie znaki i nadpisi na arkheologicheskikh predmetakh s Selengi* [China's characters and writings on the archaeological staffs from the River Selenga]. *Zapiski Buryat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury* [Notes of the Buryat-Mongolian Scientific Research Institute of the Culture]. Ulan-Ude, 1957. Vol. 23. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Mongol'skie nadpisi na Enisee* [Mongolian isncriptions on the River Yenisei]. *Epigrafika Vostoka* [Orient Epigraphic]. 1951. Issue 4. Pp. 94–101. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Neoliticheskie nakhodki na Nizhne-Berezovskoi stoyanke* [Neolithic findings in Nizhne-Berezovskaya site]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1950. Issue 12. Pp. 287–288. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Novye runicheskie nadpisi Minusinskogo kraya* [New runic inscriptions of the Minusinsky Kray]. *Epigrafika Vostoka* [Orient Epigraphic]. 1951. Issue 4. Pp. 87–93. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Novye sledy poselenii kamennogo veka v basseine srednego Eniseya* [New traces of settlements of the Stone Age in basin of the Middle Yenisei]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA*) [Materials and studies in archaeology of USSR (M-and-S USSR)]. 1953. No. 39. *Paleolit i neolit SSSR* [Paleolithic and Neolithic USSR]. Pp. 276–285. (In Russian)

Rygdylon E.R. *O nekotorykh osobennostyakh govorov buryat Irkutskoi oblasti. (Po materialam ekspeditsii 1955 g.)* [Some features of dialects of Buryats of the Irkutskaya Oblast']. *Zapiski Buryat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury* [Notes of the Buryat-Mongolian Scientific Research Institute of the Culture]. Ulan-Ude, 1957. Pp. 184–197. (In Russian)

Rygdylon E.R. *O znakakh na plitakh s runicheskimi nadpisyami* [About the characters on the slabs with the runic inscription]. *Epigrafika Vostoka* [Orient Epigraphic]. 1954. Issue 9. Pp. 65–72. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Podkunicheskaya runicheskaya nadpis'* [Podkunicheskaya runic inscription]. *Epigrafika Vostoka* [Orient Epigraphic]. 1956. Issue 11. Pp. 59–62. (In Russian)

Rygdylon E.R. *Zametki o karasukskikh pamyatnikakh iz okrestnostei Krasnoyarska* [Notes about the Karasuk sites from the Krasnoyarsk neighborhood]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi ku'tury Akademii nauk SSSR (KSIIMK)* [Brief Reports of the Institute of the History of material Culture of the Academy of Science USSR (BRIHMC AS USSR]. 1955. Issue 60. Pp. 129–134. (In Russian)

Rygdylon E.R., Khoroshikh P.P. *Arkheologicheskie nakhodki u ozera Alyat (Irkutskaya oblast')* [Archaeological findings at the Lake Alyat (Irkutskaya Oblast')]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1959. No. 3. Pp. 209–212. (In Russian)

Sergeev G.P. *Khorinskaya ekspeditsiya 1935 goda. Arkheologicheskii fond Muzeya istorii Buryatii – NVF 2969/3* [Khorinskaya expedition in 1935. Archaeological fund of the Museum of Hisory of Buryatia]. (In Russian)

Tetsu Masumoto. *Bronzovaya statuetka Buddy iz Ivolgi i ee znachenie v istorii Zabaikal'ya v V–VI vv. n. e.* [Bronze figurine of the Budda from the Ivolga and its position in the history of Transbaikalia in V–VI cen. AC]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of the Mongolia and Baikalian Siberia]. Irkutsk, 2011. Issue 2. Pp. 355–363. (In Russian)

Сведения об авторе

Именохоев Николай Владимирович, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: imbt@imbt.ru

Imenokhoyev Nikolay Vladimirovich, scientific researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, Republic Buryatia, Russia, 670047, e-mail: imbt@imbt.ru